

бранной части, представляет собою отрывок из поучений Чингис-хана. Подобные поучения сохранились у монгольских племен в различающихся между собою редакциях и донныне; судя по этому документу, они были записаны монголами рано и могли, наряду с устными преданиями, послужить известному персидскому историку начала XIV века Рашид-эддину источником для тех Чингисовых наставлений, которые помещены в его труде о монголах. На фрагменте, повидимому, имелось и имя Чингис-хана, но это место текста, к сожалению, повреждено и сохранилась только верхняя часть слова «Чин», вынесенная на надлежащую высоту над вертикальными строками текста, согласно требованиям официального этикета, заимствованного у китайцев. За то полностью сохранилось имя известного сподвижника Чингис-хана, Богорчу (у Рашид-эдина Бурджи-ноян), к которому, видимо, и обращена сохранившаяся часть поучения. В ней мы имеем обычную в монгольских поэтических произведениях аллитерацию, и потому данная редакция уже представляет собою эпическую обработку слов Чингис-хана. Соответствующей части в других известных редакциях поучений не имеется.

«На оборотной стороне того же фрагмента имеется пять строк печатного текста (15 страница II главы) юридического содержания, повидимому, положения о функциях какого-то учреждения, с китайской терминологией.

«Большая часть документов — деловая переписка: письма с поднесением подарков, жалоба по случаю похищения лошади, два долговых акта о получении взаймы пшеницы с именами, печатями («знаменами») должников, поручителя и свидетелей; оба последних документа написаны по одной трафаретной форме, которая принята в уйгурских долговых расписках, найденных в Восточном Туркестане, и, очевидно, была заимствована монголами, вместе с письмом, у уйгуров. Помимо чисто бытовых подробностей, эти документы дают нам некоторое количество имен, из коих часть, вероятно, принадлежала тангутам. Так как тангутская письменность остается всё еще не разобранной, а китайские исторические сочинения и памятники передают собственные названия в очень искаженной форме, то монгольское изображение может бросить свет на характер тангутского языка и во всяком случае дать эти имена, несмотря на все несовер-